

За что сражались советские люди...

«...И Эрнст рассказал мне. Он рассказал мне все, что узнал от Плоха. Я неподвижно сидела в кресле, а Эрнст тихим ровным голосом рассказывал об ужасах, недоступных человеческому пониманию. О людях, которых убивают как скот — систематически и хладнокровно — только потому, что они не той национальности. Об оврагах, которые используют в качестве могил; о целых местностях, превратившихся в огромные кладбища; о массовых убийствах, когда смерть отдельного человека теряет значение. О бульдозерах, которые снова и снова разравнивают землю, уминая груды разлагающихся тел. Он сказал, что эту работу выполняют не только люди Гимmlера, но также военнослужащие строевых частей. Плох ясно дал понять, сказал он, что это не какое-то чудовищное отклонение от плана. Это и есть план»...

Анита Мейсон. «Ангел Рейха».

«Все, что писали о немцах Алексей Толстой, Шолохов и Эренбург, звучало мягко по сравнению с тем, что советский боец услышал собственными ушами, увидел собственными глазами, обонял собственным носом. Ибо где бы ни проходили немцы, они везде оставляли после себя зловоние разлагающихся трупов».

Александр Верт. «Россия в войне».

Германское руководство рассчитывало к осени сорок первого оккупировать европейскую часть Советского Союза и приступить к ее освоению; методы этого освоения с истинно немецкой педантичностью планировались столь же детально, как и военные операции. И хотя фашистам не удалось выполнить план «блицкрига», они сумели, хоть и частично, претворить в жизнь заблаговременно спланированные мероприятия по очистке оккупированной территории. Жестокость оккупационного режима была такова, что, по самым скромным подсчетам, каждый пятый из оказавшихся под оккупацией семидесяти миллионов советских граждан не дожил до Победы. Страшные вещи творились на оккупированной территории. Смерть для коммунистов, евреев и партизан; систематическое насилие, непосильный труд, хронический голод и отсутствие элементарной медицинской помощи для «лояльных», сотни тысяч умерших в лагерях военнопленных, тысячи деревень, сожженных вместе с жителями. Практически вся оккупированная территория была превращена в гигантский лагерь смерти; когда Красная Армия освобождала оккупированные области, они оказывались буквально обезлюдившими.

«На всем протяжении громадного фронта, от Баренцева до Черного моря, во всю глубину проникновения немецко-фашистских орд на землю моей Родины, всюду, где ступила нога немецкого солдата или появился эсэсовец, совершались неслыханные по своей жестокости преступления, жертвами которых становились мирные люди: женщины, дети, старики... Возвращаясь в родные места, солдаты армии-освободительницы находили много сел, деревень, городов превращенными гитлеровскими полчищами в «зоны пустыни». У братских могил, где покоились тела советских людей, умерщвленных «типичными немецкими приемами» (я представлю далее суду доказательства этих приемов и определенной периодичности их), у виселиц, на которых раскачивались тела подростков, у печей гигантских крематориев, где сжигались умерщвленные в лагерях уничтожения, у трупов женщин и девушек, ставших жертвами садистских наклонностей фашистских бандитов, у мертвых тел детей, разорванных пополам, постигали советские люди цепь злодеяний...». Слова помощника Главного обвинителя от СССР на Нюрнбергском процессе Л. Н. Смирнова.

«Зверства, совершенные вооруженными силами и другими организациями Третьего Рейха на Востоке, были такими потрясающе чудовищными, что человеческий разум с трудом может их постичь. Почему все эти вещи случились? Я думаю, анализ покажет, что это были не просто сумасшествие и жажда крови. Наоборот, налицо имелись метод и цель. Эти зверства имели место в результате тщательно рассчитанных приказов и директив, изданных до или во время нападения на Советский Союз и представляющих собой последовательную логическую систему». Американский представитель обвинения Тэйлор.

Рядовой саперного полка Отто Тышлер знал это точно — никто с этими большевиками церемониться не будет. Об этом солдатам рассказали несколько часов назад. Перед построеной поротно шеренгой саперного полка командиры зачитали приказ фюрера и верховного командования вермахта. Солдаты знали: в это же самое время эти же слова произносятся на всем протяжении Восточного фронта. Приказ фюрера читают в соседних пехотных дивизиях, в изготовившихся к удару танковых частях генералов Гёппнера, Гота, Гудериана, Клейста, в воздушных армиях, развернутых на временных аэродромах у границ Рейха.

«Первое. За действия против вражеских гражданских лиц, совершенных военнослужащими вермахта и вольнонаемными, не будет обязательного преследования, даже если деяние является военным преступлением или проступком.

Второе. При рассмотрении таких действий следует принять во внимание, что поражение 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализма с бесчисленными кровавыми жертвами движения в значительной степени объясняются большевистским влиянием, и ни один немец не забыл этого.

Третье. Судья решает, следует ли в таких случаях наложить дисциплинарное взыскание или необходимо судебное разбирательство. Судья предписывает преследование деяний против местных жителей в военно-судебном порядке лишь тогда, когда речь идет о несоблюдении воинской дисциплины или возникновении угрозы безопасности войск. Это относится, например, к тяжким проступкам на почве сексуальной распущенности, предрасположенности к преступлению или к признакам, свидетельствующим об одичании войск. Строгому осуждению подлежат уголовные действия, в результате которых были бессмысленно уничтожены места расположения, а также запасы или другие военные трофеи в ущерб своим войскам...».

Гауптман аккуратно свернул листок бумаги. Посмотрев на смутно различимый в сумерках строй, он продолжил: - Этот приказ означает следующее. Если вы, парни, пристрелите какого-нибудь большевика, то не попадете в руки военного трибунала. Слишком много чести — судить немецкого солдата за убийство какой-то свиньи. Чем их меньше останется, тем лучше для нас.

Командующий наступающей танковой армией вермахта генерал Гудериан попутно издает приказ по своим войскам: «Неоправданная гуманность по отношению к коммунистам и евреям неуместна. Их следует беспощадно расстреливать». С ранеными русскими нечего возиться — их надо просто приканчивать на месте. Барановичи горели. Танкисты Гудериана вошли в город уже на четвертый день войны; улицы заполнились солдатами в чужеземной форме, лязгом танков с кургузыми крестами на башнях и отрывистой непонятной речью. Передовые части спешили к Минску: там, у белорусской столицы они встретились с танкистами Гота, замыкая первый в этой войне котел. Танкисты прошли через Барановичи, и город замер в недобром предчувствии: следом шла немецкая пехота. Один из солдат вермахта так вспоминал о настроениях первых дней войны: «Все мы в те дни ощущали себя составными частями грандиозной военной машины, которая безостановочно катилась на восток, на большевиков». «Там не шла речь о пощаде, — рассказывал другой. — Для нас это были коммунисты. Мы тогда говорили «большевистские орды»... Русские — только для уничтожения. Не только победить их, но уничтожить».

На Востоке нацисты вели особую войну, войну на уничтожение. За спиной наступавших подразделений вермахта оставались пылающие деревни. Пехотинцы рассыпались по Барановичам как саранча. Они врываются в дома — поживиться трофеями. Первых попадавшихся в руки немцев советских военнопленных ждала злая судьба. На Пионерской улице солдаты вермахта привязали к столбам четырех захваченных в плен красноармейцев, подложили им под ноги сено, облили горючим и заживо сожгли. Подразделения 29-й моторизованной пехотной дивизии второй танковой группы генерала Гудериана прокатились по Барановичам и в тот же день ушли дальше; вечером на привале рядовой Эмиль Голыд записывал в дневнике: «28 июня. На рассвете мы проехали Барановичи. Город разгромлен. Но еще не все сделано. По дороге от Мира до Столбцов мы разговаривали с населением языком пулеметов. Крики, стоны, кровь и много трупов. Никакого сострадания мы не ощущали. В каждом местечке, в каждой деревне при виде людей у меня чешутся руки. Хочется пострелять из пистолета по толпе. Надеюсь, что скоро сюда придут отряды СС и сделают то, что не успели сделать мы».

А через Барановичи к Минску шли все новые части германского вермахта. Остановившись на отдых в одной из деревушек возле Борисова, немцы с интересом рассматривали населявших ее унтерменшей. Интерес был не столько этнографическим, сколько практическим: фронт ушел на восток, и завоевателям хотелось развлекаться. Солдаты ловили не догадавшихся спрятаться женщин и уводили в лес — для себя и для господ офицеров. По приказу лейтенанта Гуммера солдаты утащили в лес шестнадцатилетнюю Любу Мельчукову; после того как офицер удовлетворил свое желание, он отдал девушку солдатам. Спустя некоторое время на поляну притащили новых женщин; перед ними предстало страшное зрелище. К стоявшим кучно деревьям были прислонены доски, бог весть откуда добытые немцами. На них висела обнаженная истерзанная девушка; прибитая к доскам штыками, она умирала. На глазах у испуганных женщин солдаты отрезали ей груди. Над лесом стоял жуткий, неумолчный крик убиваемой девушки.

Немецкие войска вступают в захваченную деревню. С ужасом смотрят на них крестьянки.... Всего в этой небольшой деревеньке немцы убили тридцать шесть женщин. Изнасилованных было больше.

Пока танкисты Гудериана и Гота рвались к Минску, пехотные части 9-й армии генерала Адольфа Штрауса и 4-й армии фельдмаршала Гюнтера фон Клюге сомкнули кольцо вокруг Белостока. Это была классическая операция на окружение, какие впору изучать в военных академиях. Войска русских, попавшие в кольцо, пытались пробиться на восток; но там, под Минском, уже смыкались клинья немецких танковых групп. А в брошенный Белосток меж тем вступали немецкие войска. 309-й полицейский батальон, вошедший в город вслед за частями вермахта, сразу занялся его умиротворением. Для начала солдаты батальона разграбили попавшиеся им на пути винные магазины; особенно в этом отличилась 2-я рота, одним из взводов которой командовал Пипо Шнейдер. Когда магазины со спиртным были опустошены, от командира батальона майора Эрнста Вайса поступил приказ собрать проживавших в городе евреев. Взвод Шнейдера отправился на поиски; развлечения ради командир взвода застрелил пятерых схваченных евреев. Его подчиненные постарались не отставать. «То, что началось погромом, закончилось повальными расстрелами евреев Белостока. В городском парке евреев расстреливали группами. Стрельба на улицах города не утихла до поздней ночи. Оставшихся в живых загоняли прикладами карабинов в центральную синагогу Белостока до тех пор, пока она не оказалась, наконец, битком набита беззащитными горожанами. Запуганные евреи стали петь и молиться... В синагоге находилось более 700 мужчин-евреев. С помощью бензина здание синагоги мгновенно запылало как факел, со всех сторон, а в окна полетели гранаты». Выбегавших расстреливали.

Прибалтийские республики на севере были потеряны практически сразу; на третий день войны генерал Гальдер довольно писал в дневнике: «Середина дня. Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейданы. Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня». 56-й танковый корпус генерала фон Манштейна, сломав сопротивление приграничных частей Красной Армии, за четыре дня прошел 300 километров и захватил стратегически важные мосты через Западную Двину.

В приказе командующего 4-й танковой группой генерала Гёппнера, который зачитают в ночь перед наступлением, говорится ясно: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это — давняя борьба германцев против славян, защита европейской культуры от московско-азиатского нашествия, отпор еврейскому большевизму. Эта борьба должна преследовать целью превратить в руины сегодняшнюю Россию, и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью... Никакой пощады прежде всего представителям сегодняшней русской большевистской системы...».

На Востоке жестокость солдат дивизии СС «Мертвой головы» была распространена не только на военнопленных, но и на всех населявших здешние края недочеловеков. 29 июня рядовой дивизии Вальтер Траве писал в письме домой: «Наступил час расплаты, которой мы давно ждали.

Большевики будут скоро разбиты, а евреи — уничтожены. Мы их расстреливаем везде, где только обнаружим, несмотря на пол и возраст. Фюрер призвал нас к этому. Знаю, что специальные команды в тылу уничтожают евреев полностью, так как мы движемся вперед и многих упускаем. Германцы на Востоке должны быть подлинными викингами, и все низшие расы должны быть уничтожены. Мы не имеем права на мягкость и малодушие».

В населенных пунктах, через которые прошли выдвигавшиеся к фронту подразделения дивизии «Мертвая голова», оставались трупы расстрелянных большевиков, убитых евреев и изнасилованных женщин.

На южной оконечности Восточного фронта успех немецких войск не был столь сокрушительным, как в Белоруссии и Прибалтике; советскому командованию удалось серьезно замедлить темпы наступления группы армий «Юг». Только 30 июня германские войска взяли Львов. Первым в город вошел разведывательно-диверсионный батальон «Нахтигаль», состоявший из украинских националистов. Руководил ими обер-лейтенант Роман Шухевич, будущий главнокомандующий Украинской повстанческой армией. Сотрудники абвера, подготовившие этот батальон, не имели оснований жаловаться на профессиональную выучку украинских националистов и их ненависть к советскому строю; однако то, что случилось во Львове, смутило даже многоопытных абверовцев. Подчиненные Шухевича устроили в городе резню. «Они взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава гимнастеров, держа оружие на изготовку. Их вид был омерзителен, — вспоминал немецкий офицер Вальтер Бродорф. — Словно бесноватые, громко гикая, с пеной на устах, с выпученными глазами, неслись они по улицам Львова. Каждый, кто попал им в руки, был жестоко казнен». Националисты вытаскивали из домов не сумевших эвакуироваться «москалей» и тут же убивали их. Женщин и детей били прикладами. Одна из горожанок, полька Ярослава Волочанска, с ужасом рассказывала: «Это был ужасный погром. Они появились на рассвете и стали вытаскивать евреев из домов. Самое страшное было то, что они убивали и детей. Все было невыносимо ужасно. Во всем городе стоял запах смерти и разложения». За евреями, жившими в городе, была устроена настоящая охота; в этом занятии деятельное участие приняли вошедшие в город чуть позже подразделения СС.

Гауптштурмфюрер СС Феликс Ландау записал в дневнике: «Сотни евреев с залитыми кровью лицами, проломами в черепах, с переломанными руками и выбитыми глазами бегут по улицам. Некоторые окровавленные евреи несут на руках других, полностью сокрушенных». Солдаты вермахта врывались в дома. Там, где было заперто, — убивали всех. Всего в первые дни после взятия Львова было убито более четырех тысяч человек. Их тела, собранные в одном месте, могли видеть все горожане. «У стен домов были сложены изуродованные трупы, главным образом женщин. На первом месте этой ужасающей «выставки» был положен труп женщины, к которой штыком был пригвожден ее ребенок». В городе шептались: «Гитлеровцы на завтрак едят евреев, на обед — поляков, на ужин — украинцев». Все только начиналось; 25 июля в городе прошел еврейский погром под названием «Дни Петлюры». Тех, кто бежал из города, уничтожали. Рядовой разведывательной роты «Нахтигалья» записал в дневнике слова, напоминающие бред маньяка: В двух селах мы постреляли всех встречных евреев... Мы постреляли всех встретившихся там евреев. В винницком селе Турбов националисты вырезали всех мужчин-евреев; когда они собрались сжечь заживо оставшихся женщин и детей, не выдержали даже немецкие солдаты, силой оружия прекратившие расправу. Жестокие убийства происходили по всей Западной Украине: убивали за то, что еврей, убивали за то, что поляк, убивали за то, что «москаль» или коммунист. Солдаты вермахта не отставали от своих украинских «союзников». Правда, им было недосуг разбираться в различных подвидах недочеловеков, как то: русских, евреев и украинцев. Какая разница: ведь, в конечном счете, ликвидации подлежали все. Ворвавшись в общежитие львовской швейной фабрики, немцы изнасиловали и убили тридцать двух молодых женщин. Пьяные немецкие солдаты ловили львовских девушек, затаскивали их в парк Костюшко и насиловали. Там, где еще недавно гуляли горожане, играли дети и целовались влюбленные, теперь царило дикое и необузданное насилие. Священник одной из львовских церквей В. Л. Помазнев с крестом в руках пытался предотвратить насилие над девушками. Призывы к совести и угрозы божьего суда оказались бессильными; немецкие солдаты избили старика, сорвали с него рясу, спалили бороду и закололи штыком.

Дивизия личной охраны фюрера — лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» — входила в состав 1-й танковой группы генерала фон Клейста. Задачей этой отборной части, беззаветно преданной фюреру и Рейху, было в составе танкового корпуса прорваться к Киеву. В ночь перед вторжением в СССР эсэсовцам объяснили, как следует действовать в войне с русскими. Одно имя лейбштандарта должно было внушать ужас. Командиры рот бесстрастно зачитывали заповеди истребительной войны. «Проломи русскому череп, и ты обезопасишь себя от них навек! Ты безграничный властелин в этой стране! Жизнь и смерть населения в твоих руках! Нам нужны русские пространства без русских!». В одном из поселков под Ровно эсэсовцы натолкнулись на сильное сопротивление советских войск; населенный пункт удалось взять, лишь задействовав все танки и всю артиллерию дивизии. Обозленные потерями, немцы согнали на площадь несколько десятков женщин, детей и стариков и расстреляли их. Поселок был выжжен дотла.

В состав танковой группы Клейста входила 44-я пехотная дивизия. Через полтора года она будет уничтожена под Сталинградом; в своих показаниях пленные немецкие солдаты вспомнят и о победоносном лете сорок первого: «13 июля в населенном пункте Несолонь, 30 км восточнее Новоград-Волынского, полковник Бойе приказал взорвать церковь.

...Приблизительно в первой половине августа 1941 года по дороге Круполи — Березань был сожжен совхоз и расстреляно более 300 военнопленных Красной Армии, среди которых большинство было женщины. Полковник Бойе еще кричал: «Что означает женщина с оружием — это наш враг...»

...В первой половине августа около города Киева полковник Бойе разъезжал по полю на своей машине и стрелял по военнопленным из винтовки, т.е. охотился на них. Убил там десять человек».

Оккупация прибалтийских республик произошла столь стремительно, что эвакуироваться успели немногие. В день, когда немецкие войска вошли в Каунас, множество людей еще находились на автобусной станции, надеясь уехать из города. Местные националисты ворвались на станцию, заполненную народом, и устроили бойню. Пытавшихся уехать женщин, детей, стариков избивали, железными прутьями раскалывали головы, вытаскивали на улицу и сбрасывали в канализационные люки. Автобусная станция была залита кровью, убитые валялись среди тюков с пожитками; те, кто видел это, никогда не сможет забыть. Людей арестовывали на фабриках, на местах работы, по домам — каждого, кто казался подозрительным. Две недели шли непрерывные аресты. Арестованных доставляли в ближайший полицейский участок, из участков - грузовиками в центральную тюрьму. Со многих крупнейших фабрик рабочих отправляли в тюрьму целыми сменами. «Обыкновенно забирали с собой мужчин и женщин в тюрьму или префектуру, — вспоминал один из чудом выживших очевидцев. — Там их избивали до полусмерти; издевались самым рафинированным образом, заставляли мужчин и женщин раздеваться догола и совокупляться и после этого убивали, так что из тюрьмы, а чаще всего и из префектуры никто живым не возвращался; их увозили в Бикернский лес и убивали. Таким образом, в течение 2–3 недель было уничтожено около 12 000 евреев и примерно столько же главным образом русских».

На окраинах прибалтийских городов как на дрожжах росли концлагеря. Один из них был организован оккупантами в форте № 9 неподалеку от Каунаса. Очень скоро это место приобрело страшную славу. «Форт № 9 жители Каунаса называли «фортом смерти». Форт расположен в шести километрах северо-западнее города и представляет собой старое железобетонное крепостное сооружение. Внутри его имеется большое количество казематов, которые были использованы немцами в качестве камер для заключенных. Со всех сторон форт обнесен железобетонной стеной и колючей проволокой. Гитлеровцы в первые же дни своего прихода в Каунас согнали в форт № 9 около тысячи советских военнопленных и заставили их отрывать рвы на поле площадью более пяти гектаров, у западной стены форта. В течение июля — августа 1941 года было отрыто 14 рвов, каждый шириной около трех метров, длиной свыше 200 метров и глубиной более двух метров». Так с немецкой педантичностью оккупанты подготовили места захоронения своих будущих жертв. Вскоре в прибалтийские лагеря смерти людей стали привозить издалека. В начале июля 1941 года на разъезде 214-й километр под латвийским городом Даугавпилсом остановился эшелон. Его вагоны были закрыты наглухо; охрана не подпускала никого близко. Однако местным жителям недолго пришлось гадать, что же привезли немцы. Вагоны открыли; из них стали вылезать измученные красноармейцы. «Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выходя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы расстреливали тут же, у будки обходчика. Из каждого эшелона выбрасывали по 400–500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 6–8 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды», — рассказывал впоследствии обходчик. Это были первые советские военнопленные, привезенные в Прибалтику. Их привезли туда, чтобы уничтожить.

Письмо советского военнопленного Ф. Е. Кожедуба своей семье

гор. Каунас 19 октября 1941 г.

Дорогая моя семья, Мотя, Катя и Маруся!

Не знаю, что с вами там случилось до сего времени, живы ли вы, здоровы ли вы и как проживаете дальше... Как я хотел с вами еще раз повидаться, но это не удалось, нам больше не видаться. Живите там и размышляйте, как лучше прожить, и не забывайте, что я умираю с мыслью о вас и вашими именами на устах. А смерть моя долгая и страшная.

Я вам написал много писем, но не надеюсь, чтобы вы их получили. Писал и Никону и Парфену, просил, чтобы вам переслали, может быть, от кого-нибудь и получите.

4 и 5 сентября 1941 г. был в страшных боях, вышел цел и невредим. 14 сентября попал в плен к немцам возле Новгорода-Северска в селе Роговка. Направили в Стародуб, в Сураж, а потом в Гомель. В Гомеле был с 20 сентября по 2 октября, а потом отправили в гор. Каунас, где мне приготовлена могила. С самого ухода из дома я голодал и доживаю последние дни. В Каунасе живу с 5 октября и пока по сей день в форте бывшей крепости совместно с Рябченком Сергеем Даниловичем, который уже третий день в госпитале. Живу под открытым небом в яме, или в пещере, или в подвале. Пищу получаем в день 200 г хлеба, пол-литра вареной капусты и пол-литра чаю с мятой. Все несоленое, чтобы не пухли. На работу гонят палками и проволочными нагайками, а пищи не добавляют. Имеем миллионы вшей. Я два месяца не брился, не умывался и не переодевался. Из одежды имею нижнее белье, верхнее белье, шинель, пилотку и ботинки с обмотками. Погода холодная, слякоть, грязь. Ежедневно умирает 200—300 человек. Вот куда я попал, и дни мои остались считанные. Спасти меня может только чудо. Итак, прощайте, мои дорогие, прощайте, родные, друзья и знакомые. Если найдется добрый человек и перешлет мое письмо, то знайте хоть, где я погиб бесславной тяжелой смертью.

Еще раз прощайте.

Ф. Кожедуб

...Части кавалерийской бригады СС под командованием штандартенфюрера Фегелейна с конца июля «умиротворяли» белорусские деревни Старобинского района. За две недели первый полк бригады расстрелял 6509 мирных жителей и 239 захватил в плен. Командир второго полка фон Магилл предпочел не расстреливать мирных жителей, а утопить их в болоте; эта идея, однако, оказалось неудачной. Пришлось докладывать начальству о конфузе: «Мы выгнали женщин и детей в болото, но это не дало должного эффекта, так как болота были не настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть. На глубине в один метр можно в подавляющем большинстве случаев достигнуть грунта (возможно песка)». В июле полицейский полк «Центр» провел карательную операцию в районе Беловежской Пущи, уничтожив ряд населенных пунктов. В августе части 221-й и 286-й охранных дивизий провели карательные операции в районе Ивацевичей и близ Лепеля, а подразделения 162-й и 252-й пехотных дивизий — в Богушевском районе. В донесении об итогах операции в районе Богушевская говорится об уничтожении 13 788 гражданских и 714 военнопленных, о сожжении деревень. По вечерам обер-ефрейтор Иоганнес Гердер записывал в дневнике впечатления о проделанной работе. «25 августа. Мы бросаем ручные гранаты в жилые дома. Дома очень красиво горят. Огонь перебрасывается на другие избы. Красивое зрелище! Люди плачут, а мы смеемся над слезами. Мы сожгли уже таким образом деревень десять. 29 августа. В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Солдаты полицейского полка, действовавшего в полосе группы армий «Центр» врываются в дома, насиловали женщин на глазах родных и детей, глумились и расправлялись со своими жертвами. «К нам ворвались немцы, — рассказывала впоследствии одна колхозница. — Двух шестнадцатилетних девушек ихние офицеры затащили на кладбище и над ними надругались. Затем приказали солдатам повесить их на деревьях. Солдаты выполнили приказ и повесили их вниз головами. Там же солдаты надругались над девятью пожилыми женщинами». В местечке Шацк Минской области всех девушек изнасиловали, голыми выгнали на площадь и заставили танцевать. Отказавшихся расстреливали. В деревне Ректы девушек согнали в лес, изнасиловали и убили. В деревне Мормаль немцы изнасиловали двух девушек-колхозниц. В деревне Химое под Гомелем немецкие солдаты ворвались в дом и изнасиловали девушку на глазах родителей. Войдя в село Ляды, немецкие солдаты стали грабить дома и лавки; потом командование части потребовало от селян «предоставить» в ближайший лес восемнадцать девушек. Когда это не было выполнено, они забрали их сами, увели в лес, зверски изнасиловали, а потом расстреляли. Некоторым из девчонок было по 13–14 лет. В деревне Березовка Смоленской области пьяные немецкие солдаты изнасиловали и увезли с собой всех женщин и девушек в возрасте от 16 до 30 лет. В деревне Холмы под Могилевом гитлеровцы схватили шесть девушек. Изнасиловав их, приступили к развлечениям: вырезали глаза и груди, а одну привязали за ноги к верхушкам наклоненных деревьев и разорвали. На память о подвигах делались фотографии. Чем иначе хвастаться после войны?

Взятый в плен офицер люфтваффе на допросе объяснил бомбардировки жилых кварталов советских городов словами: «Нам нужна эта земля, но не населяющие ее люди». На фотографии - Татьяна Онищенко со смертельно раненной осколками немецкой бомбы дочкой. Истребители люфтваффе, завоевавшие господство в воздухе, проносились над испуганными женщинами, детьми, стариками, поливая разбегающихся людей пулеметными очередями. Под городком Островом немецкие летчики разбомбили эшелон, в котором эвакуировался детский дом. Дети выбегали из горящих вагонов и бежали в лес, а истребители с крестами на крыльях охотились на детей. Когда самолеты улетели, уцелевшие воспитатели насчитали у насыпи двадцать четыре детских трупика. Количество детей, заживо сгоревших в поезде, посчитать было невозможно. «Наши вагоны горели, — рассказывал один из мальчишек. — На раскаленных вагонах висели сгоревшие дети». Другой состав с эвакуировавшимися детьми разбомбили под Могилевом. Маленькие дети бежали в лес; и тут из леса пошли немецкие танки. Это были танкисты дивизии СС «Рейх» второй танковой группы генерала Гудериана; возможно, их Т-III и не могли в прямом бою противостоять советским «тридцатьчетверкам» — однако и брони, и мощи было более чем достаточно против разбежавшихся четырехлетних детишек. Танки пошли по детям; давя их, наматывая на гусеницы. До леса добежали единицы. «Ничего от этих детей не осталось, — вспоминала ставшая свидетельницей этого ужаса Тамара Умнягина. — От этой картины и сегодня можно сойти с ума».

Журнал отдела внутренней пропаганды ОКВ в те дни наглядно разъяснял необходимость спасения общеевропейских ценностей от азиатского большевизма: «Русско-еврейский большевизм строит свое господство на терроре и на разрушении всех духовных ценностей. Чем являются большевики, знает каждый, кто хоть раз видел физиономию красного комиссара. Здесь уже не нужно теоретических разъяснений. Можно было бы обидеть зверей, назвав зверскими черты этих в основном еврейских живодеров. Они — воплощение ада, существа, испытывающие ужасную ненависть ко всему благородному человечеству. Образы этих комиссаров олицетворяют в наших глазах восстание недочеловеков против благородной крови».

Ведомство Геббельса работало четко; статьи и листовки о сущности жидобольшевизма выпускались миллионными тиражами. Каждый немецкий солдат на Восточном фронте точно знал, что воюет против тех, кто хуже зверей, против русско-еврейских азиатских орд, против нелюдей, которых незачем брать в плен. «Необходимо ликвидировать красных недочеловеков вкупе с их кремлевскими диктаторами, — говорилось в пропагандистском бюллетене № 112, выпущенном отделом пропаганды вермахта. — Германскому народу предстоит выполнить самую великую задачу в своей истории, и мир еще услышит о том, что данная задача будет выполнена до конца». Уничтожение захваченных в плен красноармейцев происходило повсеместно. На виду у местных жителей расстрелянных сбрасывали в противотанковые рвы, не сумевшие помешать победоносным танковым войскам Рейха. Из-под земли были видны неприсыпанные руки, ноги, головы...

Командир переброшенного с Запада 528-го пехотного полка майор Рёйснер слышал характерные винтовочные залпы уже в день прибытия в Житомир. Заинтригованный, вместе с двумя адъютантами он отправился выяснять, в чем дело. «Вскоре, — вспоминал майор, — мы почувствовали, что здесь происходит что-то ужасное». Офицеры убыстрили шаги; выстрелы раздавались из-за железнодорожной насыпи. Когда майор взобрался на насыпь, то увидел, как рассказывал впоследствии, «отвратительную по своей жестокости картину, потрясавшую и ужасавшую неподготовленного человека». За насыпью была вырыта яма около 7–8 метров длиной и примерно 4 метра шириной, на одном краю которой лежала куча вынутой из нее земли. Холм и прилегающая к нему стенка ямы были залиты потоками крови, а сама яма — завалена множеством трупов мужчин и женщин. Сколько людей лежало в яме, понять было невозможно. Подойдя вплотную к яме, майор увидел лежавшего среди других расстрелянных старика с седой окладистой бородой. Он был еще жив и тяжело дышал. «Я ему уже вогнал семь пуль в живот, теперь он сам должен подохнуть», — с улыбкой объяснил майору один из полицейских.

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер, прибывший в Минск с инспекционной поездкой, остановился у командира айнзатцгруппы «В» бригаденфюрера Артура Небе. Фюрер отдал специальное распоряжение о жесточайшей борьбе с партизанами, и теперь руководству айнзатцгрупп необходимо было разъяснить, кого следует считать партизанами. Всех, кого только заблагорассудится. После того как Гиммлер и Небе обсудили насущные дела, настало время развлечений. Гиммлер еще ни разу не видел, как производится массовая акция; зная об этом, Небе приказал расстрелять сотню военнопленных. Утром следующего дня Гиммлер, Небе и генерал полиции фон-дем Бах-Зелевски выехали за город; на их глазах эсэсовцы подвели к свежерытому рву пленных, среди которых находились две женщины. Пленных расстреливали; по мере того как число трупов во рву увеличивалось, Гиммлер все заметнее проявлял беспокойство. Наконец нервы у шефа СС не выдержали, его вырвало. Когда рейхсфюрер пришел в себя, генерал фон-дем Бах-Зелевски, наблюдавший за тем, как эсэсовцы достреливают пленных, не преминул воспользоваться удобным случаем и указал, что после проведения таких акций люди «полностью выдыхаются». «Посмотрите в глаза этих людей, — сказал эсэсовский генерал. — У них уже нет нервов на всю оставшуюся жизнь. Мы выращиваем здесь невротиков и варваров!» Гиммлер обещал подумать над этой проблемой.

В нескольких десятках километров западнее, в оккупированном Бресте рядовой саперного полка Отто Тышлер слушал, как пьяные солдаты полевой жандармерии хвастаются своими подвигами: расстрелами нескольких тысяч советских военнопленных, в том числе женщин. Как и все, Отто знал, что это не пустая похвальба. «Русские — только для уничтожения».

К началу октября войска вермахта на Восточном фронте приготовились к новому наступлению. Под городом Севском прошедшие долгий путь от Барановичей и Борисова части 29-й моторизованной пехотной дивизии ломали сопротивление советских войск. Пленных не брали; попавших в руки красноармейцев расстреливали, закалывали штыками, давили для развлечения гусеницами танков. Даже непосредственно на поле боя немецкие солдаты находили время не просто расстрелять пленных, а еще и поиздеваться над ними. Когда на позиции советских частей под Севском пошли танки, двое трусили и побежали, увлекая за собой всю часть. К немцам попали раненые, за которыми вот-вот должна была прийти санитарная машина; когда через некоторое время пришедшие в себя красноармейцы отбили старые позиции, они нашли и раненых. Они лежали на том же самом месте, где их оставили: с выколотыми глазами, вспоротыми животами, с вырезанными на телах звездами. Много лет спустя после войны медсестра той стрелковой части рассказывала писательнице Светлане Алексиевич о произошедшей трагедии, рассказывала и плакала: «Я, как это увидела, за ночь почернела». 7-я пехотная дивизия, наступавшая севернее, также добилась успеха. Когда солдаты 62-го пехотного полка проходили через очередную оставленную советскими войсками деревню, они увидели нескольких пленных красноармейцев. «Наш командир взвода лейтенант Генбиллер крикнул солдатам: «Зачем вы ведете этих свиней, гоните их в лес и дайте там каждому по свинцовой пилюле», — вспоминал старший ефрейтор Рудольф Латцельсбергер. - Солдаты повели их в лес, лейтенант поехал за ними. Вскоре мы услышали несколько выстрелов. Когда лейтенант вернулся, он бросил: «Еще на четыре меньше».

Неподалеку от Ладожского озера перед отбросившими немецкие части бойцами 310-й стрелковой дивизии предстало страшное зрелище. «Все чаще стали попадаться одиночные трупы зверски умерщвленных наших солдат, а потом и целые груды тел, — вспоминал политрук Николай Ляшенко. — Присмотревшись, мы увидели, что все эти люди были умерщвлены разными орудиями смерти. Вот свежая груда тел из пяти трупов, изуродованных самым зверским образом: разбиты головы, рассечены грудные клетки, выколоты глаза, вспороты животы. А у некоторых во рту остались торчать немецкие штыки...».

Так немцы развлекались на всем тысячекилометровом фронте; поэтому, когда приходилось отступать, раненые красноармейцы просили: «Братишки, не оставляйте нас немцам, лучше пристрелите!»

Проходя через городок Сольцы Ленинградской области, солдаты вермахта схватили как партизан двоих горожан: учителя одной из местных школ Агеева и юношу Баранова. Быть может, они и вправду пытались оказать сопротивление оккупантам, может, и нет. Однако смерть их была жуткой. Не расстрел и даже не виселица — заостренные колья ждали двоих несчастных. Казнь давно забытая, память о которой затерялась в веках; трупы не разрешали снять с кольев в течение двух недель.

Многими сотнями километров южнее, под оккупированным Орлом, пришедшие в село немецкие солдаты после обычных убийств перешли к садистским развлечениям. Они связали семнадцатилетнюю девушку, а потом приказали ее матери обложить собственную дочь соломой и поджечь. Как могло материнское сердце выдержать подобное? Женщина потеряла от ужаса сознание. Тогда нацисты все сделали сами. Когда мать пришла в себя, она бросилась в огонь — спасти свою Надю. Она вытащила дочку из огня; но вокруг не было людей — были лишь жаждавшие крови гитлеровцы. Мать убили прикладом, а дочь бросили обратно в огонь. Там, где проходили нацистские войска, оставались руины.

Во всей своей мощи вермахт шел на Москву. И ад следовал за ним.

Рядовой одной из частей наступавшей в Прибалтике 16-й армии генерала Эрнста фон Буша вспоминал о том, как их инструктировали перед боями: «Мой капитан Финзельберг за два дня до ввода нашей роты в бой прочитал доклад о Красной Армии... Потом он заявил, что пленных приказано не брать, поскольку они являются лишними ртами и вообще представителями расы, искоренение которой служит прогрессу». В этих указаниях при всей их потрясающей жестокости не было чего-то оригинального; о том, что искоренение русских служит прогрессу, объясняли и в других соединениях. Перед отправкой в Россию 15-ю пехотную дивизию, введенную в бой в полосе группы армий «Центр», выстроили поротно. Обер-лейтенант Принц, встав перед солдатами своей роты, зачитал секретный приказ: военнопленных Красной Армии брать лишь в исключительных случаях, т.е. когда этого нельзя избежать. В остальных случаях следует всех советских солдат расстреливать. Приказ командования 60-й моторизированной пехотной дивизии, изданный уже ближе к осени, гласил: «Русские солдаты и младшие командиры очень храбры в бою, даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным». Все эти приказы выполнялись с немецкой добросовестностью. С первых же дней войны солдаты вермахта проявляли по отношению к захваченным в плен советским солдатам и офицерам удивительную жестокость. Их расстреливали, закалывали штыками, давили для развлечения гусеницами танков. Под Великими Луками в плен к немцам попал красноармеец Д. Е. Быстряков. Вот сцена, свидетелем которой он стал: «Нас всех вывели из амбара и построили в одну шеренгу. Затем немецкие солдаты вывели из строя капитана и двух красноармейцев. Перед строем немецкие солдаты стали стрелять в упор в капитана, прострелили ему правую, затем левую руку, затем левую ногу и правую ногу. Когда капитан упал, один из немецких солдат нагнулся и ножом отрезал у него нос, затем уши и концом ножа выколол глаза. Тело капитана судорожно содрогалось, тогда другой солдат выстрелил ему в грудь и убил его. С двумя красноармейцами немецкие солдаты сделали то же самое. Все немцы были пьяны. После казни нам, оставшимся в живых, приказали закопать пленных, и нас опять загнали в амбар. Три дня нам не давали ни воды, ни хлеба. Ночью мы сделали подкоп и ушли». «Я видел, как немецкая армия приобретала зверский облик».

Части 112-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Фридриха Мита вошли в деревню около белорусского городка Болвы. Русские войска только-только оставили деревню; в одной из изб немцы нашли пятнадцать тяжелораненых красноармейцев. Лейтенант Якоб Корцилас увидел, как раненых выбрасывают из избы; потом их раздели догола и, беспомощных, не способных передвигаться, закололи штыками. Пораженный, Корцилас спросил у лейтенанта Кирига, чьи солдаты добивали пленных, по какому указанию совершено это убийство. «Это сделано с ведома командира дивизии генерала Мита», — был ответ. Подобные преступления совершались на всем протяжении от Черного до Балтийского моря в течение всей войны. 1 августа 1942 года после боя в станице Белая Глина Краснодарского края осталось много раненых красноармейцев. По словам местной жительницы В. Иващенко, сразу же после боя немецкий офицер пристрелил всех раненых, лежащих возле ее дома. Всего в станице немцы убили около 50 раненых.

Для носивших военную форму советских девчонок — связисток, врачей, медсестер, телефонисток — попасть в плен к немцам было много хуже смерти. Писательница Светлана Алексиевич многие годы собирала свидетельства прошедших войну женщин; в ее пронзительной книге — вероятно, одной из лучших в жанре «устной истории» — мы найдем свидетельства и об этой по-настоящему страшной странице войны. «В плен военных женщин немцы не брали... Сразу расстреливали. Водили перед строем своих солдат и показывали: вот, мол, не женщины, а уроды. Русские фанатички! И мы всегда последний патрон для себя держали — умереть, но не сдаться в плен, — рассказывала писательнице одна из респонденток. — У нас попала в плен медсестра. Через день, когда мы отбили ту деревню, нашли ее: глаза выколоты, грудь отрезана... Ее посадили на кол... Мороз, и она белая-белая, и волосы все седые. Ей было девятнадцать лет. Очень красивая...». «Когда нас окружили и видим, что не вырвемся, — вспоминала другая, — то мы с санитаркой Дашей поднялись из канавы, уже не прячемся, стоим во весь рост: пусть лучше головы снарядом снесет, чем они нас возьмут в плен, будут издеваться. Раненые, кто мог встать, тоже встали...». Об этом впоследствии вспоминала и сержант-связист Нина Бубнова: «А девушек наших, семь или восемь человек, фашисты на колы сажали». Когда в ноябре сорок первого года войска 1-й танковой армии генерала фон Клейста отступали из Ростова, их путь был усеян трупами изнасилованных и убитых женщин-военнослужащих. «На дорогах лежали русские санитарки, — вспоминал рядовой 11-й танковой дивизии Ганс Рудгоф. — Их расстреляли и бросили на дорогу. Они лежали обнаженные... На этих мертвых телах... были написаны похабные надписи». Ту же самую картину можно было наблюдать под Москвой: в Кантемировке местные жители рассказали бойцам перешедшей в контрнаступление Красной Армии, как «раненую девушку-лейтенанта голую вытащили на дорогу, порезали лицо, руки, отрезали груди...». Советских женщин-военнопленных ждала злая судьба. Шансов на выживание у них было не больше, чем у комиссаров и евреев, а смерть — страшнее.

«На товарных вагонах фашисты развешали лозунги: «Украина посылает лучших своих сыновей и дочерей в прекрасную Германию в благодарность за освобождение». В тот же майский день 1942 года мы узнали, что в Киеве на площади Богдана Хмельницкого повесили саботажников, которые отказались ехать в Германию. Вот такой была добровольная отправка». Екатерина Луценко, с. Сунки, Черкасская обл.

«Играли мы во дворе с мальчишками в «палочки-стукалочки». Въехала большая машина, из нее выскочили немецкие солдаты, стали нас ловить и бросать в кузов под брезент. Привезли на вокзал, машина задом подошла к вагону, и нас, как мешки, побросали туда. Вагон набили так, что первое время мы могли только стоять. Взрослых не было, одни дети и подростки. Два дня и две ночи везли нас с закрытыми дверьми, слышали только, как колеса стучат по рельсам. Днем еще свет как-то пробивался сквозь щели, а ночью становилось так страшно, что все плакали: нас куда-то далеко везут, а наши родители не знают, где мы. На третий день открылась дверь, и солдат бросил в вагон несколько буханок хлеба. Кто был ближе, успел схватить, и в одну секунду этот хлеб проглотили. Я был в противоположной стороне от двери и хлеба не видел, только мне показалось, что на минуту почувствовал его запах». Володя Ампилогов, 10 лет

«28 августа 1943 года из села Меловое угнали всех парней и девушек 1926 года рождения. Мне эта дата врезалась в память как никакая другая. На всех дверях висели списки жителей и приказы: «Если завербованный сбежит, вся семья будет расстреляна». Наталья Мирошниченко, г. Северодонецк

«Стали нас отбирать для вывоза в Германию. Отбирали не по годам, а по росту, и я, к несчастью, была высокого роста, как отец, а сестренка, как мать, маленького. Подошли машины, вокруг немцы с автоматами, меня загнали в машину с соломой, сестра кричит, ее отталкивают, под ноги стреляют. Не пускают ко мне. И так нас разлучили...

Полный вагон... Битком набитый... Полный вагон деток, не было никого старше тринадцати лет. Первый раз остановились в Варшаве. Никто нас не поил и не кормил...

Привезли на санитарный, видимо, пункт. Раздели всех догола, вместе и мальчиков, и девочек, я плакала от стыда. Девочки хотели в одну сторону, мальчики в другую, нас сбили в одну кучу, наставили шланг с каким-то непонятным запахом... Не обращали внимания: глаза не глаза, рот не рот, уши не уши, — провели санобработку. Затем раздали полосатые брюки и пиджаки типа пижам, на ноги — деревянные сандалии, а на грудь прикрепили железные бирки «Ost». Валя Кожановская, 10 лет

«Выдали мне рабочий номер — 2054, потом завели в барак. Двухъярусные нары, бумажные матрасы, вместо подушек — рвань со стружками. В три ночи (или утра) полицай оглушительно орал: «Подъем!» За малейшее промедление безжалостно бьют палкой или куском кабеля. Первая смена в шахту спускалась в 6 часов, голодная. Есть нам давали один раз в сутки, после работы. Еда готовилась так: в котел на 350 литров бросали одно ведро картошки, три ведра картофельных очистков с брюквой и пачку маргарина». Василий Соколик, г. Докучаевск, Донецкая обл.

№ 97.

Заявление жителей гор. Харькова в Центральную комиссию по расследованию зверств немецких оккупантов о расстреле раненых военнопленных гор. Харьков

[Декабрь 1943 г.]

Мы, жители дома № 14 по улице Тринклера и № 3 Покровского переулка (Харьков), были свидетелями неслыханных зверств немецких оккупантов во время пребывания их в гор. Харькове. Во время второй оккупации при входе в город немцы расстреляли раненых красноармейцев, лежавших в госпитале, и одного из них повесили на дверях сарая дома № 12 по улице Тринклера. Утром, выйдя во двор, увидели на дверях распятого раненого красноармейца. Руки были прибиты в горизонтальном положении гвоздями, ноги упирались в землю, голова с обрезанными ушами свисала, половые органы обрезаны, брюки спущены до колен, и на груди на повязке надпись: «Иуда».

(Далее следует 11 подписей.)

ЦГАОР СССР. ф. 7021, оп. 76. д. 72. л. 217

Из воспоминаний К. И. Игошева:

Лагерь для военнопленных был создан фашистами в Волковыске в июне 1941 г. сразу после оккупации. Местом для лагеря послужил плац, где размещался штаб нашей дивизии. Всю территорию большого плаца немцы обнесли снаружи двумя рядами колючей проволоки высотой в 3 метра и поставили вышки для охранников с пулеметами. Внутреннюю территорию лагеря разбили на клетки (блоки), которые отделяли одну от одной колючей проволокой с коридором в один метр. В промежутках стояли немецкие автоматчики, в их обязанности входило следить, чтоб пленные не могли перебежать из одного блока в другой и разговаривать между собой. На первых порах сюда гнали военнопленных. У многих гноились раны. Военнопленные разместились над открытым небом в блоках №1 — 6 по 2 — 5 тыс. человек, без всякого убежища от дождя и снега.

Издевательство, холод и голод, постоянные побои — это я видел и почувствовал на себе. Еду давали один раз в сутки, и получал её тот, кто имел посуду. Люди, у которых не было этого, подставляли свои пилотки. Из них ели и пили воду. Взамен обуви военнопленных давали деревянные колодки.

Хлеба давали 250 — 300 граммов в сутки, это был концентрат, приготовленный из деревянных опилок, мякиша, костной и картофельной муки.

Самым трудным периодом в лагере была зима 1941 — 1942 гг. Лагерь был закрыт на карантин, вспыхнула эпидемия тифа. Зимой умерло около 10000 тыс. человек.

Весной 1942 г. в лагере осталось около 500 человек. Часть отправили в Германию и только 200 — 300 военнопленных оставили трудиться в городе на разных объектах.

В 1942 — 1943 гг. в блоках №1, 2, 3 разместилось еврейское гетто, куда немцы гнали евреев и расстреливали.

Летом 1944 года в концлагерь Дахау привезли целую партию старших советских офицеров: генералов, полковников, майоров. «В последующие недели их допрашивали в политическом отделе, то есть их доставляли после каждого такого допроса в совершенно истерзанном состоянии в госпиталь, так что я мог видеть некоторых из них, — вспоминал впоследствии один из узников концлагеря. — Это были люди, которые неделями могли лежать только на животе, и мы должны были удалять отмиравшие части кожи и мускулов оперативным путем. Некоторые не выдерживали подобных методов допроса и погибали, остальные 94 человека по распоряжению из Берлина, из главного управления имперской безопасности, в начале сентября 1944 года были доставлены в крематорий и там, стоя на коленях, были расстреляны выстрелом в затылок». Так умирали советские офицеры. Не только командиры вермахта — даже эсэсовцы проявляли уважение к подобному мужеству. «Почему, например, русских офицеров долго не держали в одном лагере? — вспоминал штурмбаннфюрер Авенир Беннигсен. — Потому что они начинали пакостить немцам».

Благодарю за внимание!